

ЖИТЕЛИ МОГИЛЕВЩИНЫ НА ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТАХ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941 – 1944 гг.)

Распоряжением рейхсминистра оккупированных восточных земель А. Розенберга от 5.09.1941 г. была введена обязательная трудовая повинность для всех жителей в возрасте от 18 до 45 лет. Каждому назначенному на работу на бирже труда выдавались карточки назначения, которые отсылались предприятием обратно с пометкой, принят ли человек на работу, если нет, то указывалась причина отказа, и сообщалось, требуется ли еще кто-либо на его место. Лицам, привлеченным на работу в рамках обязательной трудовой повинности, высылались извещения, в которых указывалось место работы, приблизительный срок, а также предлагалось взять продовольствие либо необходимый инвентарь. Каждому рабочему выдавалась трудовая книжка, содержащая необходимые сведения о человеке и его стаже. Кроме того, существовал ряд рабочих удостоверений предприятий и учреждений, которые, как правило, выдавались

на определенный срок и подлежали продлению. Такие документы страховали оккупационные власти от возможных нарушений «нового порядка» местными жителями. Если работа производилась в ночное время, когда действовал комендантский час, то в соответствующих графах удостоверения отмечалось время ночной смены. В случае увольнения гражданина с работы необходимо было предоставить бирже труда объяснения данного акта, поэтому предприятия выдавали бывшим рабочим справки с указанием мотивов (уволен по собственному желанию, по сокращению). На время прохождения принудительных работ наказанному гражданину выдавалась справка с указанием срока работ и где эти работы выполняются.

Сформированная в 1941 г. местная коллаборационная администрация должна была зарегистрировать всех жителей, отдельно выделив их трудоспособную часть. Сбор и уточнение данных интенсивно велись и в 1942 г., когда началась мобилизация населения оккупированных территорий СССР на принудительные работы в Германию. Население уведомлялось о регистрации специальными извещениями, в которых указывалось время и место (биржа труда или городское управление) акции и содержались угрозы в адрес тех, кто не явится. Для упорядочения процесса регистрации население разбивалось на группы по начальным буквам фамилии и являлось в определенный день. Например, могилевчане, чьи фамилии начинались на А, Б, В, должны были явиться на регистрацию 8.08.1942 г., Г, Д, Е – на следующий день и так далее вплоть до 17.08.1942 г. [1, л. 8]. Аналогичный прием использовали местные власти г. Бобруйска во время регистрации горожан на бирже труда с 9.02.1942 г. [2, л. 41]. Каждый регистрируемый должен был внести единовременный сбор в кассу могилевского городского управления в размере 1 марки. [1, л. 8].

Уклонение от регистрации рассматривалось как саботаж и каралось штрафом. Например, общеадминистративный отдел г. Могилева поручил отделу порядка оштрафовать не явившихся 18-20.1942 г. на регистрацию 565 чел. молодежи 1921 – 1926 года рождения. В ходе проведенного приставами расследования не явившимися без уважительной причины было признано 233 чел., которых оштрафовали на 100 руб. [3, л. 248]. Также могилевское городское управление за уклонение от регистрации или подачу ложных сведений угрожало принудительным выселением из города [4, л. 8].

Рабочее бюро г. Могилева уже осенью 1941 г. требовало от предприятий и учреждений города предоставление сведений о количестве рабочей силы по определенному образцу: количество служащих, квалифицированных рабочих в разрезе по специальностям, количество полуквалифицированных и неквалифицированных рабочих, общее количество рабочих и служащих, количество мужчин и женщин по вышеуказанным параметрам, есть ли потребность в рабочей силе. Отдельно указывались рабочие-евреи. Согласно подобной отчетности на могилевской ТЭЦ на 25.11.1941 г. работало 197 чел. (169 мужчин и 29 женщин), из которых квалифицированными и полуквалифицированными рабочими являлись 157 чел., неквалифицированными – 40 чел. Начиная с 1.01.1942 г. предприятия и учреждения г. Могилева должны были ежеквартально предоставлять на биржу труда учетные ведомости на имеющуюся рабочую силу в разрезе по специальностям; ежемесячно предоставлялись только сведения о количестве рабочих мужского и женского пола. Подобная документация позволяла структурам, осуществлявшим трудоустройство, постоянно отслеживать ситуацию с наличной рабочей силой в городе и удовлетворять поступающие запросы от предприятий, а с 1942 г., когда началась мобилизация белорусов в Германию, оперативно выполнять квоты на поставку в рейх необходимого числа специалистов.

Стремление оккупационных структур максимально рационально использовать наличную рабочую силу могло давать сбои, биржа труда могла в принудительном порядке направить человека на работу не по его специальности. В июле 1943 г. торгово-промышленный отдел могилевского городского управления просил бургомистра ходатайствовать перед ортскомендатурой о направлении в распоряжение отдела единственного мастера-колесника, который биржей труда был направлен на работу в качестве подсобного рабочего.

Отказ работать оккупанты рассматривали как саботаж, за что сурово наказывали местных жителей. Многие белорусы официально числились на предприятиях города, получали продукты, но практически либо вовсе не работали. Оккупационные власти намеревались провести проверку штатов г. Бобруйска и требовали, чтобы эти люди до 31.05.1942 г. стали на учет биржи труда [2, л. 4]. Еще одной мерой воздействия на уклоняющихся являлось взятие под стражу граждан, чьи дети не явились в указанный срок на биржу труда для отправки в Германию. В этом случае можно было реализовать угрозу оккупантов высылать в Германию членов семей неявившихся (если они являлись трудоспособными) либо посредством шантажа принудить, в конце концов, явиться тех, кому было предписано.

Штраф по усмотрению местной администрации мог быть заменен принудительными работами или тюремным заключением (в августе 1941 г. срок ареста составлял 5 дней) [4, л. 48]. Если в 1941 г. на территории оперативного тыла штраф либо арест за уклонение от трудовой повинности рассматривались как альтернативные наказания, то к 1942 г. подход властей к данному вопросу изменился [4, л. 48]. Общеадминистративный отдел Могилевского городского управления разработал шкалу соответствия сумм штрафов и продолжительности принудительных работ: минимальный штраф в 25 руб. равнялся одному дню работы, максимальный в 1000 руб. – 14 дням. Чиновники понимали, что взыскание штрафа с нищего населения даже с привлечением полиции исключительно проблематично, проще принудить человека работать, поэтому подобная система широко применялась [3, л. 262, 266]. Система штрафов не была отлажена, списки оштрафованных составлялись неточно, что вызывало нарекания несправедливо оштрафованных. В г. Бобруйске весной 1942 г. между начальником отдела труда и начальником жилотдела, которые не согласовывали свои действия, произошел конфликт. В результате начальнику отдела труда было предложено перестроить работу своего учреждения, чтобы рабочие посылались на работы только в сопровождении бригадира, который должен был оставаться с ними до окончания работы и докладывать начальнику отдела труда, кто из рабочих самовольно или преждевременно покинул рабочее место. Начальник жилотдела требовал, чтобы каждый штрафной список до передачи в городское управление предоставлялся ему для детального рассмотрения. Помимо штрафа уклоняющиеся от работы граждане могли подвергаться телесным наказаниям. На основании жалобы на рабочего асессора городской управы бургомистр г. Могилева приказал начальнику городской ОД арестовать рабочего, подвергнуть экзекуции (25 ударов розг), после чего доставить в рабочее бюро [3, л. 32].

Одной из эффективных мер воздействия на уклоняющихся от трудовой повинности и нарушителей трудовой дисциплины являлось лишение граждан продуктовых карточек. Например, в объявлении полевого коменданта от 26.03.1942 г., адресованном жителям г. Бобруйска, подчеркивалось, что граждане, числящиеся на работе, но не работающие или работающие всего несколько часов в день, будут лишены права получать продовольствие. Данные лица рассматривались оккупантами как саботажники, потому что без выполнения соответствующей работы получали плату и продовольствие, а подобная трактовка их действий могла повлечь суровое наказание по законам военного времени [2, л. 4].

Бургомистр г. Могилева в приказе № 82 от 6.11.1941 г. констатировал многочисленные случаи опоздания и невыхода на работу без уважительных причин работников предприятий и учреждений и угрожал виновным мерами наказания в виде увольнения с работы и выселения из ведомственных квартир. В условиях разрушения жилого фонда в результате боевых действий и высоких цен на жилье подобная мера действительно могла оказать воздействие на некоторых рабочих [4, л. 118]. Наиболее жесткой мерой принуждения к труду было заключение в трудовой лагерь. Например, крестьянин Бобруйской волости, отказывавшийся от исполнения гужевой повинности, был по поручению начальника ОД арестован 14.09.1943 г. и отправлен 17.09.1943 г. в Бобруйский трудовой лагерь сроком на один месяц.

Понимая, что простой невыход на работу в рамках обязательной трудовой повинности повлечет суровое наказание, граждане стремились добиться освобождения легальными методами, составляя на имя городского бургомистра соответствующие прошения. Иногда аргументы граждан принимались во внимание. В других случаях жители г. Могилева, наоборот, просили местные власти трудоустроить их. 16.09.1941 г. жительница г. Могилева обратилась к городскому бургомистру с прошением о трудоустройстве, мотивируя просьбу тем, что она является сиротой, находящейся на иждивении 77-летней бабушки, которая нигде не работает, дом их сгорел, на работу просительницу (судя по всему ввиду малолетнего возраста и отсутствия специальности) нигде не принимают. Резолюция бургомистра предписывала общеадминистративному отделу направить просительницу в одну из коммунальных мастерских ученицей или уборщицей [5, л. 89, 89 об.]. Аналогичное прошение было направлено жительницей города 15.09.1941 г. с просьбой принять неработающего 16-летнего сына, находящегося на иждивении одинокой матери, учеником парикмахера [5, л. 91]. Данное прошение также было удовлетворено. Обращает на себя внимание тот факт, что подобные документы датированы осенью 1941 г., т.е. периодом, когда шел процесс организации органов местной вспомогательной администрации, и механизм тотального трудоустройства граждан Беларуси был еще не отлажен. К 1942 г. большая часть трудоспособных граждан биржей труда и местной администрацией была учтена и направлена на работу.

Одним из мероприятий местной администрации в 1943 – 1944 гг. стало размещение эвакуированных оккупантами на Могилевщину граждан из других районов Беларуси и России. При могилевском городском управлении в августе 1942 г. была введена специальная должность уполномоченного по размещению беженцев с ежемесячным окладом 400 руб. Одной из задач чиновника был учет, расселение и трудоустройство прибывающих граждан. Часть эвакуированных следовала через Могилевщину транзитом в западные районы республики и далее в Германию, поэтому на особый учет брались жены служащих РОА, восточных батальонов и СД и вспомогательных рабочих при немецких воинских частях, дислоцировавшихся в районе г. Могилева. Этим женщинам было предписано до 26.05.1944 г. зарегистрироваться в городском управлении и получить освободительные удостоверения от дальнейшей эвакуации на Запад. 22.10.1943 г. на имя бургомистра г. Бобруйска поступило прошение жительницы г. Гомеля, эвакуированной сюда немецкой воинской частью, с просьбой прописать ее в городе и предоставить средства к существованию. Поскольку женщина являлась глухонемой и нетрудоспособной, ее определили в дом инвалидов [6, л. 24, 41]. В это же время в г. Бобруйске местная администрация начала акцию по сбору у населения теплых вещей для детей эвакуированных, размещенных в детском доме [6, л. 46]. К 11.11.1943 г. у жителей города в пользу эвакуированных было собрано 655 предметов одежды и обуви, к 15.11.1943 г. – еще 158 предметов [6, л. 44, 45].

Эвакуированным сотрудникам местной вспомогательной администрации на новом месте жительства выплачивалось пособие (предположительно, разовое) в размере 50% прежнего оклада. Осенью 1944 г. на территории Осиповичского округа было размещено 24 эвакуированных сотрудника кличевского районного управления во главе с начальником Кличевского района, которым на новом месте жительства было выплачено 7591 руб. [7, л. 42]. Кроме того, эвакуированным служащим местной вспомогательной администрации на новом месте работы могла выплачиваться разница в окладах. Эвакуированный бургомистр г. Чечерска, получавший ранее 2500 руб., на должности начальника промышленного отдела Осиповичского городского управления получал в начале 1944 г. 950 руб., начальник отдела учета г. Черикова (800 руб.) на аналогичной должности в г. Осиповичах получал 700 руб., бухгалтер окружного управления г. Жлобина (1200 руб.) на должности начальника финотдела в г. Осиповичах получал 950 руб., техник текстильного завода в г. Брянске (800 руб.) на должности заведующего овощехранилищем продовольственного отдела получал 600 руб. и т.д. Можно предполагать, что в пропагандистских целях этим сотрудникам коллаборационной администрации компенсировали разницу в окладах [7, л. 23]. Выплата разницы производилась со дня приема на новую работу, а также индексировалась тринадцатая зарплата за 1943 г. [7, л. 18].

В рамках обязательной трудовой повинности по направлению биржи труда граждане работали на предприятиях и учреждениях города. Одним из видов трудовой повинности была очистка улиц и тротуаров напротив своего дома жителями и сотрудниками учреждений и предприятий. Данная повинность была введена на Могилевщине распоряжением полевого коменданта от 15.08.1941 г. и контролировалась жилотделом городского управления. За невыполнение граждане карались штрафом до 400 руб. [2, л. 84, 103]. В случае, если требовалось привлечение в авральном порядке к уборке значительного числа горожан, жилотдел мог обращаться к Службе порядка. Например, начальник жилотдела г. Бобруйска обратился 28.02.1942 г. за помощью к полиции, поскольку на расчистку аэродрома ежедневно требовались две смены рабочих по 500 чел. (к 7.00 и 12.00), которых обычными административными методами привлечь было невозможно. Поэтому жилотдел просил выделить 16 сотрудников ОД по числу домоуправлений [2, л. 66].

Рабочий день номинально декларировался командованием тыловой зоны группы армий «Центр» в размере восьми часов. При срочности работы и большим объемом могли быть использованы выходные и праздничные дни, сверхурочная и ночная работа, оплата за которую осуществлялась по обычным ставкам. В то же время военные власти тыловой зоны рекомендовали воздерживаться от организации работ в это время, чтобы еще более не озлоблять и без того бедствующее население оккупированной Беларуси. Продолжительность рабочего дня женщин также устанавливалась в 8 часов, подростков до 16 лет – в 7 часов. На практике приходилось трудиться по 12 и более часов.

Заработная плата абсолютного большинства трудящихся в годы оккупации была крайне низкой. Заработная плата учителей в зависимости от квалификации, образования, количества учеников в классе колебалась в пределах 240-400 руб. Несколько выше были заработки сотрудникам вспомогательной администрации, занимавших руководящие должности. Согласно распоряжению командующего тыловой зоны группы армий «Центр» ставка заработной платы начальника района равнялась 1000 руб., заместителя начальника района – 800 руб. [8, л. 17]. Оклад переводчиц общедминистративного отдела могилевского городского управления на январь 1942 г. составляла 500 руб.

(минус 50 руб. налога). С зарплаты 150 руб. предусматривалось удержание подоходного налога в размере 3% заработной платы, от 150 до 300 руб. – 6 %, 300-600 руб. – 8%, свыше 600 руб. – 10% [4, л. 36].

Согласно распоряжениям оккупационных властей местная администрация снабжала продуктами только трудоспособных граждан, направленных биржей труда на работу, лиц пожилого возраста (старше 60 лет) и инвалидов (чья инвалидность была засвидетельствована врачами по поручению биржи труда), зарегистрировавшихся на бирже труда, детей до 14 лет и стоящих на учете на бирже труда матерей с детьми моложе 8 лет, а также эвакуированных граждан [8, л. 45]. Сельские жители снабжали сами себя, как и те горожане небольших городков, которые проживали в частных домах, имели приусадебное хозяйство и, по мнению оккупантов, были в состоянии самостоятельно обеспечивать себя продуктами. Таковых граждан местная администрация должна была установить [8, л. 46].

Весной 1942 г. рабочие и служащие г. Могилева получали в день 300 г хлеба, дети и инвалиды – 200 г. Всего в это время в городе обеспечивалось продуктами 11000 работающих граждан. [9, л. 124]. В это же время в городе существовали следующие рыночные цены на продукты: мука ржаная – 800 руб. за кг, рожь – 600 руб., ячмень и гречиха – 400 руб., картофель – 180-200 руб. за пуд, масло животное – 400 руб. за кг, молоко – 25-30 руб. за литр, яйца – 65-80 руб. за десяток, рыба – 100 руб. за кг [9, л. 126]. Естественно, что нормы продовольствия, полагавшиеся рабочим по карточкам (как правило, выдавались только хлеб, овощи), не обеспечивали рабочего и его семью, а купить продукты по рыночным ценам при существующих в то время зарплатах для абсолютного большинства Mogilevчан было невозможно.

Мизерные продовольственные нормы трудящихся вынуждали некоторых жителей г. Могилева воровать продукты. В фондах Государственного архива Могилевской области содержатся материалы по обвинению ряда горожан в воровстве хлеба. Обвиняемые работали в городской пекарне или в продовольственном отделе городского управления и имели по долгу службы доступ к продуктам. Обращает на себя внимание тот факт, что обвинения датированы весной 1943 г., т.е. тем периодом оккупации, когда обеспечение продуктами работающих граждан значительно ухудшилось. Чтобы стимулировать труд Mogilevчан, местная администрация начала в июне 1942 г. выдачу работающим особых дополнительных продуктовых карточек. Как отмечалось в предписании Mogilevского городского управления, выдача особых дополнительных карточек должна была увеличить работоспособность трудящихся. При отсутствии у рабочего должного рвения в работе данные карточки изымались, также как и при увольнении рабочего с данного предприятия. Карточки являлись именными, и передача их другому лицу влекла наказание. Карточки номинальной стоимостью 50 коп. приобретались на центральном складе начальником торгового отдела городского управления и выдавались на основании требований предприятий. Бухгалтерии предприятий и учреждений заполняли карточку, начальник отдела вручал карточки непосредственно рабочим под роспись. Во время выдачи карточек рабочие извещались о том, что данный акт является поощрением производительности труда, а также о наказании в случае передачи карточки другому лицу. Ежемесячно рабочие сдавали карточки руководителю подразделения для продления их действия на следующий месяц. В магазинах и продуктовых ларьках во избежание нарушений составлялись списки предприятий и учреждений, рабочие которых могут получать продукты; указывались номера карточек данного предприятия и образец подписи начальника подразделения на карточках. На некоторых предприятиях и в учреждениях существовали столовые или буфеты, обслуживающие своих сотрудников.

В этом случае рабочим выдавались специальные пропуска, представлявшие собой отрезные талоны по числу дней в месяце.

Премии, как правило, затрагивали сотрудников местной вспомогательной администрации, что являлось своеобразной надбавкой за верность оккупантам. Распоряжением полевой комендатуры от 23.07.1943 г. при окружных, районных и городских управлениях учреждались фонды для поощрения сотрудников до 20000 руб. Неиспользованные средства премиального фонда переносились в бюджет следующего года. Окончательная сумма премиального фонда для каждого управления утверждалась полевой комендатурой. Руководитель управления обладал правом распределять премии между сотрудниками, но сама сумма выделялась полевой комендатурой, которая и сама, без посредничества бургомистра, могла называть кандидатов на премирование.

Премии не должны были превышать основного жалования сотрудника. Акт премирования для большего пропагандистского эффекта должен был производиться в присутствии всего рабочего коллектива [7, л. 11]. В марте 1944 г. районная комендатура предписывала могилевскому бургомистру принять следующие меры для улучшения материального положения сотрудников городского управления. Служащим, оклад которых не превышал 600 руб., должны были выплачиваться прибавки в размере 90% стоимости обеда в столовой городского управления. Нуждающиеся служащие могли получать пособия большого размера для покрытия расходов по болезни, смерти родственников, переселению. Предлагалось также распределить полученные от районной комендатуры текстильные товары между сотрудниками управления, преимущественно между начальниками отделов. Для оплаты подобных расходов предписывалось использовать премиальный фонд. Случаи премирования рабочих встречались крайне редко и должны были иметь для оккупантов весомую аргументацию. Например, 13 работников бобруйской типографии были премированы суммами от 100 до 200 руб. за перевыполнение плана в 2,5 раза при издании пропагандистской литературы.

В случае гибели рабочего от рук партизан семье полагалось единовременное пособие в размере 1000 руб. и ежемесячные выплаты жене погибшего в размере 30 % заработка рабочего и по 10% на каждого ребенка до 16 лет. Назначение пенсий осуществлялось собором из специального фонда пособий, утверждаемого ортскомендатурой [6, л. 23]. В данном случае речь идет не только о белорусских коллаборационистах, являвшихся потенциальными объектами атак партизан, но и об обычных рабочих (например, шоферах), сопровождавших различные грузы, которые атаковали партизаны. В целях пропагандистского эффекта оккупационные власти и местная коллаборационная администрация считали необходимым выплачивать их семьям пособие, демонстрирующее «заботу» немцев о тех, кто служит новому порядку (пусть и вынуждено), и такие случаи имели место в виде денежных выплат и предоставления участков земли для посева картофеля [6, л. 24, 24 об.].

Согласно распоряжению городского бургомистра г. Могилева от 16.10.1941 г. право на оплату по болезни имели лица, являющиеся штатными работниками, проработавшими в одном учреждении не менее двух месяцев. Стаж работы в других учреждениях засчитывался в том случае, если работник переходил с одной работы на другую в результате межведомственного согласования и не имел перерыва в стаже. В случае, если переход на другую работу осуществлялся по личному желанию работника без согласия администрации, то стаж работы на предыдущем месте не учитывался при начислении пособия по болезни. Устанавливался максимальный срок в четыре месяца, не протяжении которых рабочий мог получать пособие по болезни в размере полного заработка (определялся по последнему месяцу до болезни). Временные или сезонные рабочие,

проработавшие в данном учреждении не менее одного месяца, имели право на получение пособия по болезни в размере 50% ежемесячного заработка. Максимальный срок получения пособия в этом случае составлял два месяца. Оплата пособия по болезни штатным и внештатным работникам производилась по предоставлению больничных листов.

Оккупационные структуры были заинтересованы в подготовке трудовых резервов из числа белорусской молодежи, поэтому в городе развернулось обучение юношей по ряду ремесленных специальностей. В г. Могилеве весной 1942 г. действовали ремесленное училище и школа строителей [9, л. 95]. В школе строителей обучалось: столяров-плотников – 34 чел., кровельщиков-жестянщиков – 29, штукатуров – 12, печников – 41. За май 1942 г. учащимися было заработано 8000 руб. [9, л. 194]. 20.05.1943 г. полевой комендатурой было издано наставление бургомистрам, регламентирующее данный процесс. Рабочее время учеников равнялось, по меньшей мере, 54 ч в неделю; устанавливалось пособие для учеников старше 18 лет в размере 1 руб. в час, от 16 до 18 лет – 0,8 руб. в час, моложе 16 лет – 0,6 руб. в час. Если ученикам выдавалось трехразовое питание, то из заработной платы учеников делались вычеты в размере 3 руб., за обед – 1,5 руб., за завтрак и ужин – по 0,75 руб. вне зависимости от продовольственных норм.

Жители Беларуси активно сопротивлялись трудовой повинности. Чаще всего сопротивление выражалось в самовольном оставлении места работы. К 1943 г. в городах оккупированной Беларуси этот процесс усиливался. Именно в этот период оккупационные власти усилили угон граждан республики на работы в Германию, куда посылались в первую очередь квалифицированные рабочие, учтенные и занятые на работах на предприятиях и в учреждениях белорусских городов. Как следствие, тенденция оставления горожанами своих рабочих мест усиливается. В донесении от 12.10.1943 г. медико-санитарного отдела могилевского городского управления 5 чел. сотрудников городской больницы значатся как уехавшие (можно предположить, отправлены в Германию), а 27 сотрудников значатся как самовольно оставившие работу [10, л. 30].

Таким образом, оккупационные власти и местная вспомогательная администрация стремились максимально эффективно использовать трудовые резервы оккупированной Беларуси. С первых дней оккупации начался учет трудоспособных граждан и закрепление их за предприятиями и учреждениями. В случае неявки на регистрацию или рабочее место была разработана система наказаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Могилевской области, ф. 260, оп. 1, д. 15.
2. Там же, ф. 858, оп. 32, д. 2.
3. Там же, ф. 259, оп. 1, д. 20.
4. Там же, ф. 260, оп. 1, д. 15.
5. Там же, ф. 259, оп. 1, д. 1.
6. Там же, ф. 858, оп. 3, д. 1.
7. Там же, ф. 847, оп. 1, д. 1.
8. Там же, ф. 300, оп. 1, оп. 2.
9. Там же, ф. 260, оп. 1, д. 45.
10. Там же, ф. 259, оп. 1, д. 29.

SUMMARY

Based on a wide range of archival sources, the article deals with the forced labour of Mogilev region population. The activity of local collaboration administration in this direction, measures of labour enforcement used by German invaders as well as a problem of manpower training have been characterized by the author. The financial status of workers in the discussed region during German occupation being shown, the people's resistance to hard labour is revealed in the article.